

**Журба М.А. Кондратюк Г.Н.
ГРЕЧЕСКИЕ ШКОЛЫ КРЫМА В 1920-1930-Х ГОДАХ**

Цель статьи - изучить состояние и работу греческих школ в Крымской АССР в межвоенный период. Актуальность избранной темы объясняется тем, что в Украине происходит реформа общеобразовательных школ. Необходимо критическое изучение опыта накопленного предшествующими поколениями просветителей. Важность обращения к данной тематике объясняется также тем, что в Автономную Республику Крым происходит возвращение депортированных народов: крымских татар, греков, армян, болгар, немцев. Происходит процесс возрождения национальных школ, в том числе греческих. Должны быть созданы условия для изучения родного языка, возрождение национальной культуры. Изучение опыта работы греческих школ в 1920 – 1930-х годах может помочь в выработке целостной концепции развития национально-образовательного образования.

При подготовке данной статьи использованы документы Государственного Архива Автономной Республики Крым (ГААРК): фонд П – 1 обкома РКП(б). Особую ценность представляют материалы греческой секции обкома и греческой секции севастопольского окружкома. А так же фонды – Р.663 ЦИК Крымской АССР и – Р. 20 Народного Комиссариата Просвещения (НКП) Крыма. Важным источником явились публикации в журналах «Педагогическая жизнь Крыма» и «Пути коммунистического просвещения» издававшиеся в 1920-х годах НКП Крыма. Ценную информацию содержат номера газеты «Красный Крым» на страницах которой освещались вопросы работы греческих клубов, изб-читален, обществ взаимопомощи, периодически проходивших конференций. Вопросы просвещения среди греков анализировались также на страницах журналов «Крым» и «Экономика и культура Крыма». Важным источником явились также опубликованные отчеты о работе ЦИК и СНК автономии.

Вопросы развития школьного образования греков в Крымской АССР современными историками затрагивались, в основном, в работах обобщающего характера. В частности, в монографии Кесмеджи П.А. «Греки Крыма»[1]. Необходимо отметить работу Араджioni М.А. Однако, монография посвящена процессу этнографического изучения греков Приазовья и Крыма. Развитие греческого образования в 1920-х годах анализируется в связи с изучением диалектов мариупольских греков [2]. Вопросы состояния греческих школ нашли отражение в диссертационном исследовании Наседкиной Л.Д. (Якубовой) [3]. Но в работе использованы только архивные материалы, отражавшие работу греческих школ в УССР, крымские архивные документы использованы не были. Поэтому не вызывает сомнений необходимость в более углубленном изучении указанной темы.

Установление советской власти в Крыму в ноябре 1920 года привело к коренной реорганизации системы школьного образования. Изменились не только названия школ, но и их планы, программы, сроки обучения, постепенно изменился состав преподавателей.

Крым являлся одним из самых многонациональных регионов РСФСР, поэтому процессы в школьном образовании определялись национальной политикой РКП(б). Прошедший в апреле 1923 года XII съезд РКП(б) выработал концепцию «коренизации». Применительно к школьной системе «коренизация» означала возможность обучения детей на родном языке в национальных школах, подготовку соответствующих учебников и педагогов. Структура школьного образования зависела от количества населения определенной национальности, проживания в городе и сельской местности, социального статуса.

По данным предварительной переписи проведенной в апреле 1921 года, в Крыму проживало 720373 человека. Из них в городах 327086 жителей и в сельской местности 393287 человек [4, с.10–11]. Согласно переписи в Крыму насчитывалось 23868 греков, что составляло 3,3% от общего количества населения [5, с.5]. По своей численности греки, среди других национальных меньшинств, занимали третье место после немецкого и еврейского населения. Греки Крыма состояли из двух групп: собственно крымские греки и беженцы – переселенцы из Анатолии, Трапезундского вилайета, бежавшие в Крым от ксенофобии после 1918 года. Наиболее компактные группы греков проживали в Ялте – около 3000 человек, в Севастополе – 2200, Симферополе – 1400, Керчи – 1350 и Феодосии порядка 1100 жителей. Данные переписи показывают, что Крым являлся одним из самых урбанизированных регионов страны. В городах национальные школы сформировать было легче, чем в степном Крыму. Уровень культурных и образовательных потребностей горожан был более высоким. В 1921 году греки в Крыму проживали почти поровну в городах и сельской местности [6, с.6–7]. В 1921 году для греческого населения Крыма существовали только начальные школы первой ступени. На их деятельности катастрофически отразился голод в Крыму в 1921–1922 годах.

Помощь голодающим детям пытались организовать греческие секции при крымском обкоме РКП(б) и севастопольском окружкоме. В отчете севастопольского окружкома указывалось: «Реорганизованная Греческая Школа насчитывает 150 человек учеников, почти исключительно детей пролетариев. Занятия проходят довольно успешно, на греческом и русском языке. Избраны Президиум Школьного Комитета, Хозяйственная и Педагогическая Комиссии» [7, л.11об].

Экономическая разруха, последствия гражданской войны не оставили для школ практически никаких материальных средств. Если в 1921 году в Крыму насчитывалось 1232 школы первой и второй ступени, то в 1922 году их количество сократилось до 638 [8, с.422]. Как выход из создавшейся ситуации руководство народным образованием предусмотрело выделение материальных средств на содержание школ местным населением. Школы были поделены на входившие в «твердую» сеть и «мягкую» сеть. Первую группу должно было финансировать государство, а школы «мягкой» сети содержаться за счет средств местных жителей. Но население было разорено гражданской войной и неурожаем и выделить значительных материальных средств не могло: «Более 60% работников просвещения переведено с государственного продовольственного снабжения на пропай из фондов по самообложению сельского населения в силу поста-

новления СНК РСФСР от 15/IX – 21г. об обложении сельского населения на нужды народного просвещения» [9, л. 34].

Работа греческих школ начинает возрождаться с 1923 года. Последствия голода постоянно преодолевались, начинала приносить результаты новая экономическая политика. Приоритетом для финансирования и развития являлись начальные школы первой ступени. X Всероссийским Съездом советов была поставлена задача добиться первичной грамотности детей школьного возраста 8-11 лет. В первой половине 1920-х годов греческих школ повышенного типа (семи – и девятилеток) в Крымской АССР не существовало. Вопросы финансирования школ обсуждались на открывшемся 16 февраля 1923 года первом Всекрымском съезде по просвещению. Участники съезда, а присутствовало около 200 делегатов, были единодушны в том, что выделяемых государством денег из центрального бюджета совершенно недостаточно, а из местных районных бюджетов выделялось только 10% на нужды школ в расходах. Материальный фактор препятствовал ремонту школьных зданий, закупке учебников, достаточной оплате труда учителей.

В 1923 году в Крымской АССР функционировало 7 греческих школ первой ступени: в Ялте, Керчи (шестиклассная), Севастополе, Симферополе, Старом Крыму, Феодосии, Симферопольском районе. Перед началом 1923/24 учебного года были восстановлены греческие школы в Алуште и Карасубазаре. В 1923/24 учебном году работало уже 10 греческих школ, в которых обучалось 750 учащихся. В 1926 году школ первой ступени насчитывалось уже 24 с 1300 учащимися [10, с.2]. Статистические данные свидетельствуют о позитивной динамике в количестве школ и учащихся. Однако даже этого возросшего количества было недостаточно и эти школы охватывали примерно половину детей школьного возраста.

Руководство греческими школами осуществлял созданный 11 ноября 1921 года Народный комиссариат просвещения Крымской АССР. При Коллегии Наркомпроса был создан структурный орган Совета по просвещению национальных меньшинств (Крымсовнацмен) задача которого состояла в том, чтобы координировать усилия по возрождению образования национальных меньшинств.

Наркомпрос Крымской АССР в дело создания и развития греческих школ стремился вовлечь партийных, профсоюзных, советских работников. В марте 1926 года в Симферополе было создано Первое Всекрымское совещание национальных работников. В повестке дня совещания был доклад НКП Крыма о программе работ среди национальных меньшинств в 1926/27 учебном году. В резолюции принятой по итогам совещания отмечалось: «Особенно важным и первоочередным совещание считает мероприятия по установлению и расширению нацмен школьной сети, и в частности национальностей наименее обеспеченных сетью (греки), подготовке, переподготовке и привлечению нацмен-культурработников по созданию нацмен-школ повышенного типа» [11, л. 55]. Для выявления социально-экономических и культурных потребностей греков Крыма в октябре 1926 года была проведена Всекрымская греческая беспартийная конференция [12, л.84]. В конференции принимали участие и просвещенцы. Учителя- греки высказали своё мнение и пожелания по конкретным вопросам развития национального образования и реализации курса коренизации. Широко был обсужден на конференции вопрос об использовании родного языка в работе и ведении делопроизводства национальных греческих сельских советов в местах компактного проживания греков, ликвидации неграмотности среди взрослого населения. Делегатами был поставлен вопрос о выделении квот для греческой молодежи в крымских техникумах. В своем докладе на конференции выступавший нарком просвещения Крымской АССР У. Балич отметил, что в греческих школах обучается только 65% детей школьного возраста [13, л.117об].

В обсуждении вопросов конференции были вовлечены греческие крестьянские массы. Существенным аспектом деятельности сельских обществ в греческих сёлах было их участие в культурно-просветительских программах проводимых властью. Актуальной и сложной была проблема ликвидации неграмотности. Но государство не могло полностью финансировать как эту, так и другие образовательные программы. На общественных началах, под патронатом государства действовало общество «Долой неграмотность». Работа общества среди греков дифференцировалась по нескольким направлениям. Общество осуществляло сбор средств, оказывало помощь органам Наркомпроса в вопросах организации ликпунктов, обеспечении их учебной литературой. Опыт подсказывал, что с целью предупреждения рецидива неграмотности, те, кто прошёл курс обучения должны были участвовать в системе клубной работы. Клубы работали в сёлах с компактным проживанием греческих крестьян. Городские греческие клубы были в Севастополе и Симферополе. С 1924 года ликвидация неграмотности приобрела плановый характер. Для разных категорий населения были установлены дифференцированные сроки ликвидации неграмотности. Установление различных сроков для отдельных категорий населения, кроме ограниченных финансовых возможностей государства, имело и политическое основание. Привлечение к учёбе, в первую очередь, сельского актива и бедноты было наглядным воплощением классового подхода к культурно-просветительской работе, свидетельством попыток укрепления социальной базы компартии в сёлах. Больше всего неграмотных было среди бедноты, батраков, сельскохозяйственных рабочих которые объединялись классовыми сельскими союзами. В 1926 году уровень грамотности у греков составлял 62,4%. Эта цифра свидетельствует о том, что ликвидация неграмотности была делом актуальным. Но началась она, как и большинство других кампаний без необходимой материальной базы и осуществлялась в значительной мере за счёт общественной инициативы. Нарком просвещения А. Луначарский на II сессии ЦИК СССР в докладе о народном образовании отмечал: «Общество содействия ликвидации неграмотности «Долой неграмотность» выносит прекрасные резолюции, но конкретно даёт мизерные результаты» [14, с.185]. Классовый узкопрагматический подход в деле ликвидации неграмотности в значительной мере обесценивал это полезное дело. Весьма откровенно характеризовал содержание и направленность культурно-просветительской деятельности организации «Долой неграмотность» на совещании актива окружных правлений общества в 1926 году Г.Петровский, заявив, что «классовая социальная брошюра, в которой изложено, как необходимо организовывать рабоче-крестьянское маленькое дело (ликвидации неграмотности), даёт в тысячу раз больше, нежели художественная литература Толстых, Тургеневых, Байронов и Шиллеров» [15].

Одной из специфических особенностей греков, отрицательно сказывавшейся на деятельности школ,

было использование различных языков. Коренные крымские греки говорили по-русски. Переселенцы из Турции использовали анатолийский диалект греческого языка. Это создавало дополнительные трудности в обучении детей в греческих школах и подборе учебной литературы. Крымсовнацмен для греческих школ в середине 1920-х годов попытался закупить учебники за рубежом. Но учебники из Греции были забракованы по политическим мотивам. Были получены образцы изданий даже от греческого рабочего издательства из Чикаго [16, с.66].

Для качественной постановки учебного процесса в греческих школах необходимы были квалифицированные учителя. В 1925/26 учебном году в Крыму работало 25 греческих начальных школ с 150 учащимися. Учебный процесс вели 56 учителей [17, с.192]. В ряде случаев, из-за отсутствия педагогов хорошо владевших родным языком, носившие название греческие школы вынуждены были вести работу на русском языке. В НКП это понимали: «Греческие школы Крыма зачастую не функционируют за отсутствием работников, не говоря уже о том, что значительный процент из наличных работников совершенно не отвечает своему назначению» [18, с.79]. Так, в 1926 году из 24 греческих начальных школ в 18 обучение велось на греческом языке, а в 6 на русском. Необходимые учительские кадры готовились греческими педагогическими техникумами в Краснодаре и Мариуполе, а также курсами повышения квалификации в Анапе. Курсы повышения квалификации для греческих учителей проводил и Наркомпрос Крымской АССР. Они прошли летом 1926 года в Ялте на базе ялтинской греческой школы. На курсы приехало около 100 преподавателей из мест компактного проживания греков, в том числе с Северного Кавказа. При этом на курсах реализовывался и идеологический компонент: «... необходимо отметить, что с массовым сдвигом учительства создалась благоприятная почва для советизации школы [19, с.43].

Перепись 17 декабря 1926 года зафиксировала сокращение количества греков в Крымской АССР. Их насчитывалось 16036, что составляло 2,3% от общего количества жителей Крыма [20, с.26]. На это количество жителей в 1926/27 учебном году было 26 греческих школ, в которых обучалось 1613 учащихся [21, л.1]. Греческие начальные школы составляли 1,3% от общего количества школ в Крыму, а греки – ученики составляли 1,9% от общего количества учащихся. На 1 учителя приходился 31 учащийся в греческих школах [22, с.20]. С 1924 по 1926 год количество греческих начальных школ увеличилось с 10 до 26. Их доля возросла с 1,3% в общем количестве школ до 3% [23, л.28].

Для обсуждения языковой проблемы греческого населения в январе 1927 года в Симферополе было создано Всекрымское совещание по вопросу о реформе греческого языка и орфографии. С докладами выступили заместитель председателя Крымсовнацмена Семён Гамалов, заведующий ялтинской греческой школой Келфилинос, представитель греческой секции Северо – Кавказского крайкома ВКП (б) редактор греческой газеты «Комунистис» Пастопуло. Филологические проблемы были чрезвычайно важны, т. к. они затрагивали основы школьной деятельности и влияли на долгосрочные тенденции в школьном строительстве. Совещание вынесло резолюцию о присоединении к постановлению Всесоюзного греческого культурного совещания и замене языка «кафареус» более распространенным народным разговорным языком «демотика», а также старой исторической орфографии – орфографией фонетической.

Всесоюзное совещание по вопросам просвещения и культурного строительства среди греков СССР состоялось 10–13 мая 1926 года в Ростове – на – Дону. В работе совещания приняло участие 42 делегата, из них 5 от Крымской АССР. В качестве центральной задачи совещание постановило осуществить перевод греческих школ исключительно на родной язык преподавания: «Перевод школьной работы на эллинский язык преподавания должен проходить по конкретному плану с таким расчетом, чтобы эта работа закончена была в течение 3-х лет. Перевод школьной работы должен быть проведен путем введения родного языка преподавания с нового учебного года в первых группах, а в прочих группах путём введения родного языка как предмета» [24, л.24]. Совещание обсудило также вопрос об издании учебников в связи с началом работы издательства в Ростове – на – Дону.

Курс «коренизации», реализовывавшийся ВКП(б), должен был способствовать укоренению советской власти, создать ей более широкую социальную базу поддержки. Поэтому с греческим крестьянством власть стремилась говорить на их родном языке. С этой целью в работу вовлекались греки-коммунисты. Школьное строительство в этнополитике большевиков занимало одно из важнейших мест. Советская власть стремилась быть привлекательной и на международной арене. Решение проблем греков Крыма, в первую очередь в использовании родного языка и развитии образования, должно было вызвать симпатии к Советской России в «буржуазной» Греции. Вопросы развития греческих национальных школ обсуждались и на проходившем 20–22 мая 1928 года I-ом Всекрымском нацменкультсовещании. В качестве первоочередной задачи совещание отметило необходимость активизировать работу по переводу греческих школ на родной язык преподавания. Ряд этих школ национальными можно было назвать только условно. Во многих школах значительная часть учебного процесса осуществлялась на русском языке. Совещание отметило не благополучную ситуацию с учебниками, а недостаток школ повышенного типа (семилеток) [25, л.15]. Дети, закончившие греческую начальную школу, попадали в другую языковую среду, и это позволяло сохранить преемственность в обучении. В 1931 году работу вели только 2 греческие школы повышенного типа [26, с.26].

Влияние политических факторов на образование в стране было огромным. После «великого перелома» 1929 года курс коренизации принял иной вектор. ВКП (б) отменить его сразу не могла. Содержание коренизации изменяется, от педагогического процесса отстраняется национальная интеллигенция. 25 июля 1930 года ЦК ВКП (б) принял постановление «О всеобщем обязательном начальном обучении», а 5 сентября 1931 года «О начальной средней школе». Эти документы существенно изменили внутреннюю структуру и педагогический процесс в греческих школах. Через два года срок обязательного образования был увеличен до семи лет. Часть греческой молодежи стала обучаться в русских общеобразовательных семилетках. Но принцип обучения на родном языке ВКП (б) был сохранен. «Недостаточно решительно осуществлялся переход нацмен школ первой ступени на родной язык преподавания... Основным принцип

установленный партией «школы на родном языке» до сих пор, несмотря на имеющиеся сдвиги полностью не реализован», – отмечалось в реализации I-ой Всекрымской конференции национальных меньшинств прошедшей в 1930 году [27, л.57]. На греческом языке в 1930/31 учебном году обучалось 1220 учащихся в начальной школе, в 1931/32г. - 1300, в 1932/33 – 1391 учащийся, в 1933/34 учебном году – 1527. В неполной средней школе (5–7 класс) в 1930/31 учебном году 175 человек, в 1931/32 – 191, в 1932/33 – 274, 1933/34 учебном году – 281. Приведенные цифры, безусловно, указывают на недостаточное количество школ повышенного типа [28, с.141–142]. Процесс введения всеобщего обучения происходил очень сложно, прежде всего, из-за недостатка финансирования. Партийное руководство определило, что «формой вовлечения широких масс трудящихся в дело введения всеобщего обучения являются комитеты по всеобщему» [29, с.76].

С начала 1930-х годов все большее место в учебном процессе занимает идеологический компонент. Школа должна была привить молодежи коммунистическую систему взглядов. Идеологизация учебного процесса, была обусловлена укреплением в стране тоталитарной системы. Нарком просвещения А. С. Бубнов говорил: «Мы строим принципиально новую школу. Мы стремимся в нашей школе установить теснейшую связь между школой и жизнью, между теорией и практикой, между обучением и производительным трудом... Мы строим школу совместного воспитания, школу, которая работает на родном языке, антирелигиозную школу, воспитывающую ненависть к эксплуатации» [30, с.2]. Учителя должны были стать рупором, проводником классовых идей в школьную и крестьянскую национальную среду. В 1934 году, после завершения XVII съезда ВКП (б), официальная доктрина формируется так: «Наша марксистская установка в том, что рациональный момент является подчиненным классовому моменту...» [31, с.5].

1938 год явился рубежом в работе греческих школ Крымской АССР. 1938 год отмечен крупномасштабными репрессиями просвещенцев, значительным усилением русификаторских тенденций. 13 марта 1938 года ЦК ВКП (б) и СНК СССР приняли постановление «Об обязательном изучении русского языка в школах национальных республик и областей». Этот документ определил, что русский язык изучается как обязательный предмет во всех нерусских начальных и средних школах. В 1938 году крымским обкомом было принято решение о закрытии всех греческих школ автономии и переводе их учащихся в школы с русским языком обучения.

Таким образом, изучение архивных материалов позволяет сделать следующие выводы. 1920-е годы стали временем плодотворного национально-культурного творчества. Увеличивалось количество греческих школ первой ступени. С каждым годом всё больше детей посещали учебные заведения. Национальная интеллигенция способствовала сохранению родного языка и культурных традиций. 1930-е годы явились сложным и противоречивым периодом. В первой половине 30-х сохранялась инерция коренизации. Однако позитивные культурные и образовательные достижения были перечёркнуты укрепившейся тоталитарной системой.

Источники и литература

1. Кесмеджи П.А. Греки Крыма.-Симферополь, Б.г.; Греки в истории Крыма. Краткий биографический справочник. – Симферополь, 2000.
2. Араджиони М.А. Греки Крыма и Приазовья: история изучения и историография этнической истории и культуры (80-е гг. XVIII – 90-е гг. XX вв.). – Симферополь, 1999.
3. Наседкина Л.Д. Социально-политическая, экономическая и культурная жизнь греческого населения Украины. 20-е – нач.30-х годов: Автореф. дис...канд. ист. наук.-К., 1993.
4. Предварительные итоги переписи в Крыму в 1921г. – Симферополь, 1922.
5. Статистико-экономический атлас Крыма. – Симферополь, 1922.
6. Бененсон М.Е. Экономические очерки Крыма. – Симферополь, 1922.
7. ГААРК. – Ф. П.-1. – Оп.1. – Д.15. – Л.11об.
8. Весь Крым. Юбилейный сборник. 1920–1925. – Симферополь, 1926.
9. ГААРК. – Ф. Р.-663. – Оп.1. – Д.82. – Л.34.
10. Красный Крым. – 1926. – 23 октября.
11. ГААРК. – Ф. П.-1. – Оп.1. – Д.546. – Л.55.
12. Там же. – Д.547. – Л.84.
13. Там же. – Д.561 – Л.117об.
14. Журба М.А. Етнонаціональні та міжнародні аспекти діяльності громадських об'єднань українського села (20–30рр. ХХст.). – Київ, 2002.
15. Там же.
16. Педагогическая жизнь Крыма. – 1925. – № 5.
17. Крым. – 1927. – № 2.
18. Педагогическая жизнь Крыма. – 1925. – № 3–4.
19. Крымский ЦИК IV созыва. Отчёт о деятельности (январь-март 1925). – Симферополь, 1925.
20. Ден Н.В. Крым. – М.-Л., 1930.
21. ГААРК. – Ф. П.-1. – Оп.1. – Д.813. – Л.1.
22. Пути коммунистического просвещения. – 1926. – №1.
23. ГААРК. – Ф. Р.-20. – Оп.3. – Д.47. – Л.28.
24. Там же. – Ф. П.1. – Оп.1. – Д.541. – Л.24.
25. Там же. – Д.823. – Л.15.
26. Полетаев Д. На боевом участке национально-культурного строительства. Подготовка национальных кадров в Крыму. – Симферополь, 1931.
27. ГААРК. – Ф.П.1. – Оп.1. – Д.912. – Л.57.

28. Материалы к отчёту Правительства Крымской АССР VIII Съезду Советов Крымской АССР. – Симферополь, 1935.
29. Экономика и культура Крыма. – 1930. – №1.
30. Бубнов А.С. Школа - на повороте. Доклад о постановлении ЦК партии о начальной и средней школе на московском собрании просвещенцев-коммунистов 9 сентября и на ленинградском общегородском собрании партийного, советского, комсомольского и профсоюзного актива 10 сентября 1931 г. – М., 1931.
31. Революция и национальности. – 1934. – №3.

Зінченко О.В.

ПРАВО ЗАПИТУ ДЕРЖАВНОЇ РАДИ РОСІЙСЬКОЇ ІМПЕРІЇ 1906–1916 рр.

Актуальність дослідження охоплює кілька аспектів: 1) наближення 100-літнього ювілею запровадження в Російській імперії народного представництва у вигляді Державної думи та Державної ради (20 лютого – 23 квітня 1906 р.); 2) відсутність досліджень сутності та повноважень Державної ради, у тому числі й права запиту; 3) необхідність перегляду загальних оцінок реформування державного ладу Росії у 1905 – 1907 рр., які давались радянською історіографією; 4) висвітлення досвіду країн, які переходили від автократії до парламентаризму. *Мета статті* – виявити особливості права запитів державних радників Російської імперії 1906 – 1916 рр. шляхом аналізу оновленого російського державного законодавства та порівняння його з іноземними державними законами. *Головне завдання* дослідження пов'язане з детальним аналізом Основних державних законів, Запровадження Державної думи, Запровадження Державної ради, Наказу Державної ради та парламентських наказів іноземних держав.

Західноєвропейські державні діячі зазначали необхідність урядів конституційних держав керуватись у своїх діях вимогами громадської думки, загальний напрям якої їм вказують палати народного представництва [1, с. 176]. Одним з найзвичайніших способів ознайомлення урядів з настроями суспільства і суспільства з намірами урядів є інтерпеляції (запити). Інтерпелюючи уряд, вказуючи на незаконні чи недоцільні дії агентів влади, палати народного представництва здійснюють одну зі своїх найважливіших функцій. “Звертати увагу на зловживання і вимагати їх усунення, – підкреслював англійський правознавець Сідней Лоу, - це - функція парламенту, яка освячена часом і високо цінується” [2, с. 79]. Таким чином, парламентські запити складають не тільки спосіб ознайомлення уряду з громадською думкою суспільства, але і засіб контролю закономірності дій уряду з боку народного представництва. Особливо серйозного значення, на думку російського правознавця Б. Ландау, право запитів набувало у перехідні епохи, подібні тій, яку переживала Російська імперія у зв'язку з революцією 1905 – 1907 рр. [1, с. 176].

Зрозуміло, що практика парламентської інтерпеляції урядів західноєвропейських країн певним чином вплинула на запровадження в практику російських палат народного представництва. В той же час, як і вся система парламентаризму, інститут інтерпеляції в Росії було обмежено у порівнянні з країнами Західної Європи. Західноєвропейська парламентська практика розрізняла запити (інтерпеляції) і запитання, що стосувались широкого діапазону урядових дій. Так, у Франції XIX ст. запити могли торкатися як загальної політики уряду, так і одного окремого факту. Неприйнятним за своїм змістом виявлялись лише запити, які суперечили конституції, зачіпали приватне життя міністрів, а також запити депутата до депутата [4, с. 214]. Заява про запит подавалась голові палати у письмовій формі за підписом хоча б одного депутата і зачитувалась у палаті. Остання мала призначити день для обговорення запиту за сутністю. За звичай, цей день призначався відповідно до угоди міністра з інтерпелятором. Іноді палата розпочинала нагальне обговорення запиту за сутністю. Однак таке невідкладне обговорення запиту за сутністю здійснювалось лише за згодою міністра [4, с. 214]. Міністри не могли заперечити обговорення тієї чи іншої інтерпеляції, але мали право заявити про свою відмову відповідати на запити. Таку заяву вони могли робити вже під час дебатів про призначення дня для обговорення інтерпеляції за сутністю [4, с. 215]. Інтерпеляції з питань внутрішньої політики не могли відкладатись більше, ніж на місяць. В обговоренні запитів за сутністю могли брати участь усі міністри і всі депутати палати [4, с. 214].

На відміну від запитів (інтерпеляцій) “наказ” французької палати депутатів передбачав і запитання, які депутати задавали членам уряду на початку і наприкінці засідань. Зміст запитань нічим не обмежувався. В той же час запитання могло задаватись у тому разі, коли міністр погоджувався дати на нього відповідь [4, с. 215]. Після відповіді на запитання ніяких виступів не дозволялось. Право зробити зауваження на відповідь міністра надавалось лише тому депутату, який задавав запитання. Останнє завжди могло перетворитись на запит, коли палата ухвалювала таку постанову [4, с. 215].

Як вже зазначалось вище, з запровадженням в Росії народного представництва законодавством було передбачено і запити. Але тут право запитів, як одне з основних прав будь-якого парламенту, за свідченням газети “Право”, “було поставлено в такі рамки, що саме право запитів виявилось ілюзорним” [6, с. 14]. І в Державній раді, і в Думі це право було поставлено значно вужче, ніж у будь-якій європейській конституції. “Статті, що тлумачать запитання і запити, – підкреслював у 1910 р. правознавець Л. Неманов, – перенесені з положення 6 серпня 1905 р. (про Булігінську законодорадчу Державну Думу – О.З.) в абсолютно незмінному вигляді. Але ж що мало рацію стосовно Думи законодорадчої, те втратило рацію стосовно Думи законодавчої” [6, с. 14]. Проте уряд цілком свідомо запровадив таке обмеження права інтерпеляції. Про це відверто говорилось у меморії Ради міністрів про проект запровадження Державної думи, який було опрацьовано А.Г.Булігіним. Зокрема, в документі говорилось: “Подібне уповноваження (надання Думі права запитувати міністрів) не може вважатись запозиченням існуючого в західноєвропейських державах права, інтерпеляції, що належить палатам народного представництва. Право це на Заході є зброєю боротьби політичних партій і засіб нагляду за діяльністю виконавчої влади не тільки з точки зору законності, але і з боку політичної доцільності її дій. У нас же, де призначення і звільнення міністрів від посади у майбут-